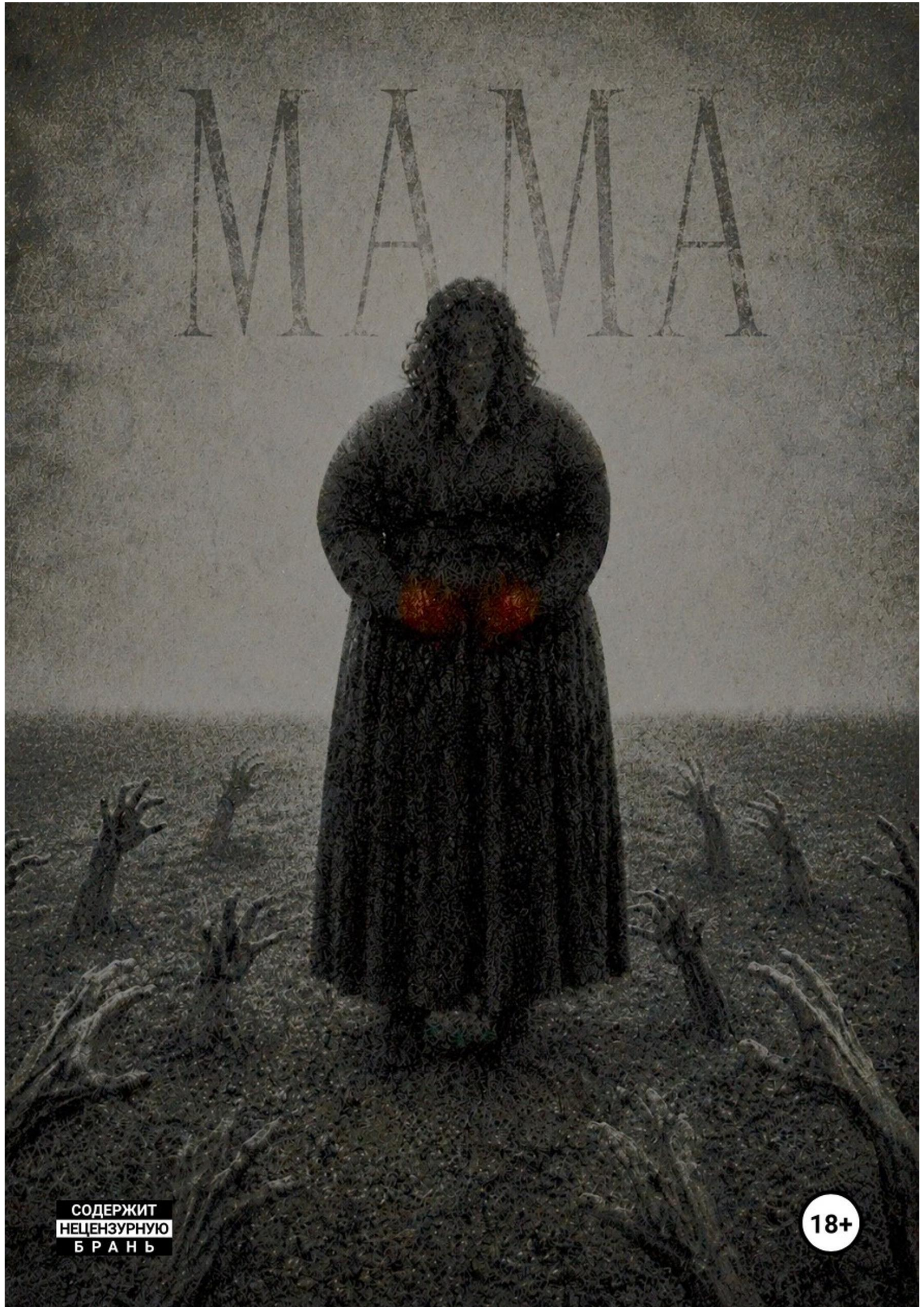
МАМА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Элиан Морвейн

Мама

«Автор»
2026

Морвейн Э.

Мама / Э. Морвейн — «Автор», 2026

Лиорвей кажется обычным городом, но за его тихими улицами скрывается нечто зловещее. Люди бесследно исчезают, происходят необъяснимые вещи, а старые истории оказываются куда страшнее любых выдумок.На окраине города стоит заброшенный дом. Его стены хранят мрачное прошлое, а хозяйка, по слухам, до сих пор обитает внутри. Её называют ведьмой, и никто не спешит проверять, насколько правдивы эти разговоры.Киёми никогда не стремилась искать неприятности, но однажды сама оказывается втянута в историю, связанную с этим домом. Постепенно перед ней открывается мир, существование которого она прежде не могла даже представить. И чем ближе она подбирается к разгадке, тем опаснее становится каждый следующий шаг.

© Морвейн Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 17
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Элиан Морвейн
Мама

Глава 1

Пролог

Киёми никогда не видела снов. По крайней мере, до недавнего времени она была в этом уверена. Каждое утро начиналось одинаково: ночь исчезала из памяти, не оставляя после себя ни единого воспоминания. Словно во сне её сознание просто переставало существовать, проваливаясь в беспросветную пустоту.

Иногда она задумывалась, каково это — видеть сны. Другие люди рассказывали о странных историях, незнакомых лицах, голосах и местах, которых никогда не существовало. Для них ночь становилась продолжением какой-то другой жизни. Для Киёми же сон всегда был лишь промежутком между двумя пробуждениями.

Но в последние недели что-то изменилось.

Всё чаще она просыпалась с необъяснимой тревогой. Ощущение было настолько отчётливым, что порой казалось, будто во время сна кто-то находился совсем рядом, наблюдал за ней из темноты и ждал, когда она откроет глаза. Стоило ей прийти в себя, как тревога понемногу отступала, но никогда не исчезала окончательно. Она затаивалась где-то глубоко внутри, оставляя после себя неприятный холод под рёбрами.

Киёми не помнила, что ей снилось. Ни последовательности событий, ни голосов, ни обстановки. Однако один образ неизменно возвращался, словно отпечатался в памяти гораздо глубже, чем всё остальное.

Девочка без лица.

Она сидела на старом деревянном стуле перед туалетным столиком. Комната была погружена в густой полумрак. Углы терялись в черноте, а стены казались такими далёкими, будто помещение уходило гораздо дальше, чем позволяли его размеры. Над столиком висело мутное зеркало. Его поверхность выглядела старой и запущенной, словно за долгие годы на ней осел толстый слой пыли. Киёми не могла объяснить почему, но была уверена: отражения в нём нет. Не было и никогда не будет.

За спиной девочки стояла женщина. Её фигура почти полностью скрывалась в темноте. Разглядеть удавалось лишь одну руку, медленно появлявшуюся из-за плеча. Кожа была болезненно бледной, влажной от пота. По ней расползались крупные тёмные пятна неправильной формы. Они не походили ни на родинки, ни на обычные шрамы. Казалось, под кожей скрывалось что-то живое, постепенно пробирающееся наружу.

В руке женщина держала старую расчёску.

Она неторопливо проводила ею по волосам девочки.

Вернее, пыталась это сделать.

Длинные пряди давно потеряли прежний вид. Они сбились в плотные колтуны, переплелись между собой и превратились в грубые, спутанные узлы. Казалось, к ним не прикасались годами. Зубцы расчёски застревали почти сразу, с силой натягивая волосы у самых корней. Женщина продолжала тянуть, не обращая внимания на то, насколько сильно цеплялись за расчёску спутанные пряди.

Каждое движение должно было причинять невыносимую боль.

Но девочка не издавала ни звука.

Она сидела прямо, сложив руки на коленях. Не пыталась отстраниться, не поднимала плеч и даже не поворачивала головы. Женщина продолжала расчёсывать её волосы, снова и

снова протягивая расчёску через спутанные пряди. Иногда рука останавливалась, будто наталкивалась на особенно тугой узел, а затем с прежним безразличием продолжала тянуть.

В этой сцене не было ничего естественного. Ни в движениях женщины, ни в безмолвии ребёнка.

Киёми никогда не слышала, чтобы девочка плакала. Не видела, чтобы та пыталась вырваться или хотя бы пошевелиться. Она просто принимала происходящее, словно давно смирилась с тем, что её боль никого не интересует. И именно это пугало сильнее самой женщины.

Киёми не могла понять подобного терпения. Она никогда не позволила бы кому-нибудь так обращаться с собой. Даже представить было трудно, чтобы кто-то причинял ей боль, а она покорно сидела, не пытаясь сопротивляться. Она бы оттолкнула обидчика, вырвала расчёску из его рук или сломала бы ему пальцы. И уж тем более не стала бы терпеть подобного от собственной матери.

Но девочка продолжала молчать.

С каждым воспоминанием об этом сне Киёми всё сильнее тревожило странное чувство близости к незнакомому ребёнку. Девочка не была похожа на неё. У неё не было лица, выражения, по которому можно было бы узнать знакомые черты. И всё же между ними словно существовала незримая связь, которую Киёми не могла ни объяснить, ни отрицать.

Иногда ей начинало казаться, что дело вовсе не в самой девочке.

Что она не просто наблюдает за происходящим.

Что всё это время находится в той же комнате.

Совсем рядом.

В нескольких шагах от старого туалетного столика, за спиной женщины, там, куда не проникал даже слабый свет.

От этой мысли становилось особенно неуютно. Если девочка не замечала её присутствия, если женщина ни разу не оборачивалась, то почему Киёми каждый раз чувствовала, будто кто-то всё-таки знает о её присутствии?

Будто в комнате есть ещё один наблюдатель.

Кто-то, кого невозможно увидеть.

Киёми всё чаще вспоминала мутное зеркало. Ей чудилось, что за его потускневшей поверхностью скрывается нечто, способное смотреть по ту сторону сна. Оно не двигалось, не подавало голоса, но девушка неизменно ощущала на себе чужое внимание.

Оно ждало.

И с каждым пробуждением казалось, что расстояние между ними становится всё меньше.

Иногда Киёми открывала глаза посреди ночи и несколько секунд лежала совершенно неподвижно. Она боялась не увидеть кого-то рядом с кроватью. Гораздо страшнее было услышать знакомый звук — тихое, размеренное скольжение расчёски по спутанным волосам.

Словно женщина из сна продолжала своё занятие даже после того, как Киёми проснулась.

Глава 1

Киёми всегда нравилось приходить в первый день учёбы. Её интересовали не столько сами занятия, сколько люди, с которыми предстояло, провести очередной год. Она любила рассматривать чужую одежду, подмечать детали внешности и наблюдать за тем, как окружающие стараются произвести впечатление. Когда-то это были одноклассники, теперь — однокурсники. Менялись лица, но отношение Киёми к ним оставалось прежним. Она никогда ни с кем по-настоящему не ладила. Чужое общество быстро утомляло её, а попытки сблизиться вызывали скорее раздражение, чем интерес.

Дом, в котором жила Киёми, находился в тихой части Лиорвея. С виду он ничем не отличался от соседних построек, разве что облупившейся краской на стенах и потемневшей крышей. Окна казались мутными из-за многолетней пыли, а у входа скрипела старая дверь, которую давно следовало заменить. Внутри пахло сыростью, пылью и застоявшимся воздухом. Узкий коридор тонул в полумраке, даже днём казавшемся неестественно густым. Деревянные полы жалобно поскрипывали под ногами, а из глубины дома порой доносились тихие щелчки, похожие на звуки остывающей мебели. Впрочем, Киёми давно перестала обращать на них внимание.

Она не любила свой дом. Ей казалось, что стены хранят слишком много чужих голосов, ссор и неприятных воспоминаний. Здесь даже тишина не приносила покоя — она лишь подчёркивала гнетущее ощущение, будто дом медленно поглощает всё живое внутри себя.

Единственным местом, где Киёми могла побыть одна, был чердак.

Подняться туда можно было по узкой деревянной лестнице, спрятанной за дверью в конце коридора. Ступени давно рассохлись, а в щелях между досками скопилась тёмная пыль. Под самой крышей всегда было холоднее, чем в остальных комнатах. В ветреные дни балки тихо потрескивали, а дождь бил по кровле с таким упорством, словно кто-то пытался пробраться внутрь.

Когда-то чердак служил кладовой, но Киёми постепенно превратила его в собственную комнату. Она самостоятельно разбирала старые вещи, вытирала пыль и переставляла мебель, стараясь избавиться от всего, что напоминало ей об остальном доме. Получилось не слишком уютно, зато здесь никто не мешал ей и почти никто не появлялся без разрешения.

Свободного места практически не осталось. Коробки с одеждой теснились у стен, на старом столе лежали тетради, косметика и всевозможные мелочи. Узкая кровать стояла под наклонным потолком, а рядом находился небольшой комод с потёртыми ручками. Единственное окно пропускало мало света, поэтому углы комнаты даже днём оставались тёмными. Иногда Киёми казалось, что чердак больше напоминает заброшенное помещение, чем место, в котором кто-то живёт. Но именно здесь она чувствовала себя спокойнее всего.

Киёми вообще не любила, когда кто-то пытался приблизиться к ней слишком близко. Она привыкла держать окружающих на расстоянии и не объяснять причин своего поведения. В её характере было что-то холодное, почти колючее. Она редко улыбалась, не стремилась понравиться людям и не испытывала потребности притворяться доброжелательной. Даже собственные переживания предпочитала скрывать за равнодушным выражением лица. Порой казалось, что она смотрит на мир с тихим презрением, заранее не ожидая от него ничего хорошего.

Внешность Киёми лишь усиливала это впечатление. Тёмные волосы обрамляли лицо, подчёркивая выразительность её взгляда. Она любила чёрную одежду, резкие линии и детали, которые привлекали внимание, но не делали её похожей на остальных. Ей не требовалось чужое одобрение: если её внешний вид кого-то раздражал, это было исключительно его проблемой.

Одежду на первый учебный день она приготовила с вечера. На спинке стула висела чёрная блузка с вызывающим вырезом, рядом лежали чёрные джинсы, а под столом стояли высокие красные каблуки. Киёми нравился этот контраст. Красный цвет выделялся на фоне чёрного, словно свежая царапина на бледной коже.

Сумка оказалась почти пустой. Несколько тетрадей, одна ручка — больше для учёбы ей ничего не требовалось. Зато косметики было достаточно, а рядом с ней лежали многочисленные пачки жвачки.

Киёми любила находить новые вкусы и собирать разные упаковки. Со временем жвачки заняли часть полок и ящиков. Когда их становилось много, она испытывала странное облегчение. Эта привычка казалась незначительной, но позволяла ей хотя бы в чём-то ощущать контроль. В её жизни хватало вещей, которые она не могла изменить, поэтому маленькие запасы, аккуратно сложенные среди беспорядка, имели для неё особую ценность.

Убедившись, что всё готово, Киёми перекинула сумку через плечо и вышла из комнаты. Чердачная дверь со скрипом закрылась за её спиной. Она начала спускаться по узкой лестнице, ведущей на нижний этаж, пока в полумраке коридора её не остановил Ноэль.

Младший брат был немного пухленьким, с округлыми щеками, короткой стрижкой и милым лицом, которое редко выражало что-то, кроме искреннего любопытства. В его внешности ещё сохранялась детская мягкость, однако усидчивости ему явно не хватало. Ноэль постоянно двигался, вертелся на месте, заглядывал в чужие комнаты и задавал вопросы, на которые не всегда дожидался ответа. Его живые глаза замечали всё необычное, а воображение превращало самые обыкновенные вещи в повод для очередного приключения.

В отличие от Киёми, он не испытывал особого страха перед неизвестностью. Скорее наоборот — всё непонятное притягивало его.

Ещё с прошлого года Ноэль каждый день уговаривал сестру сходить вместе с ним к заброшенным домам на окраине Лиорвея. Эти постройки стояли в стороне от жилых улиц, окружённые высокой травой и покосившимися заборами. Их окна давно потемнели, кое-где отсутствовали стёкла, а крыши просели под тяжестью времени. Большинство местных обходили это место стороной, но Ноэля подобные предостережения только раззадоривали.

Он мечтал исследовать пустые комнаты, заглянуть в старые подвалы и узнать, почему дома оказались заброшены. Самостоятельно отправляться туда ему не разрешали, поэтому он решил, что Киёми станет идеальной спутницей. Она была старше, не боялась одиночества и, как ему казалось, не верила в глупые страшилки.

Однако сестра всякий раз отказывала. Её не привлекала перспектива провести день среди развалин, а настойчивость брата постепенно начинала действовать ей на нервы.

Ноэль, впрочем, не сдавался.

В то утро он снова стоял перед ней, широко улыбаясь и явно собираясь вернуться к своей просьбе. Киёми молча посмотрела на него сверху вниз. Её лицо оставалось невозмутимым, хотя взгляд уже выдавал нарастающее раздражение.

За спиной брата тянулся тёмный коридор. В глубине дома едва слышно скрипнула половица, хотя там, насколько Киёми знала, никого не было.

— Киёми! — почти выкрикнул Ноэль, бросаясь к сестре.

— Нет.

Киёми даже не повернула головы. Она продолжала идти по узкому коридору, где обои давно отстали от стен, обнажая тёмные пятна плесени. Под ногами поскрипывали старые доски, а из приоткрытой двери соседней комнаты тянуло холодом.

— А если я расскажу маме, чем ты занимаешься в своём колледже для глупых? — с самодовольной ухмылкой протянул Ноэль, постукивая носком ботинка по полу.

Киёми остановилась. Медленно повернувшись к брату, она посмотрела на него так, словно перед ней стояло нечто неприятное, случайно попавшееся под ноги. Затем наклонилась к его лицу.

— Братик, если ты действительно думаешь, что эта женщина способна мне навредить, то у тебя куда больше проблем с головой, чем я предполагала. Нашёл, чем пугать, чёрт малолетний.

Ноэль отступил на шаг, однако быстро вернул себе прежнюю уверенность. Он поднял телефон почти к самому лицу сестры. Экран был покрыт трещинами, и изображение за ними казалось разбитым на мелкие осколки.

— А ты ещё не забыла, что у меня есть твои фотографии в нижнем белье? — произнёс он, едва сдерживая смешок.

Киёми несколько секунд молча смотрела на телефон, а затем усмехнулась. Угроза брата не вызвала в ней ни стыда, ни тревоги. Скорее, её забавляло, с каким усердием он пытался добиться своего.

— Хочешь, я сама отправлю эти фотографии своим однокурсникам? Заодно объясню, откуда они у моего младшего брата.

Улыбка Ноэля медленно сползла с лица.

— Ладно, ладно! — поспешно пробормотал он, опуская телефон. — Не надо. Я тут немного денег накопил. Могу заплатить.

Киёми равнодушно пожала плечами.

— Пятьсот элларов. Согласна?

— Две тысячи.

— Ого! — возмутился Ноэль. — Это же почти все мои сбережения!

— Ну, как хочешь.

Киёми снова двинулась к выходу. Она не собиралась торговаться и уж тем более уговаривать его.

— Ладно! Согласен, — с досадой выпалил брат. — Но только сегодня, после учёбы!

— Увидим.

Она оставила его позади и направилась вниз, на первый этаж.

В доме царил полумрак. Сквозь мутные окна едва проникал утренний свет, ложась на пол бледными полосами. В воздухе стоял запах сырости и старого дерева. Где-то в глубине дома мерно капала вода, хотя никто так и не удосужился выяснить, откуда она берётся.

На кухне находилась Элиара, мать Киёми, она была высокой, почти под метр восемьдесят, и настолько худой, что её фигура казалась непропорционально вытянутой. Узкие плечи, длинные руки и острые локти придавали ей сходство с куклой, которую слишком долго держали в сыром подвале. Чёрные волосы свисали спутанными прядями, скрывая часть лица. Под глазами залегли глубокие тёмные круги, а бледная кожа натянулась на скулах. Она выглядела так, словно давно перестала спать, но продолжала упрямо цепляться за привычные дела.

Сейчас Элиара стояла перед одной и той же полкой и методично протирала её поверхность. Тряпка двигалась из стороны в сторону по уже чистому дереву. Она не замечала пыли на соседних шкафах, грязной посуды в раковине и беспорядка вокруг. Её внимание было приковано к одному месту с пугающим упорством.

— Привет, мам, — тихо бросила Киёми, не скрывая пренебрежения.

Рука Элиары замерла.

Несколько секунд она продолжала смотреть на полку, будто решала, стоит ли вообще оборачиваться. Затем медленно повернула голову. Сначала показались волосы, потом острый подбородок и, наконец, лицо с натянутой улыбкой. В этой улыбке не было ни тепла, ни радости — только неприятное старание изобразить материнскую нежность.

— Киёми… доченька моя, — протянула она.

Последние слова прозвучали слишком ласково. Именно так Элиара говорила, когда хотела задеть дочь, заставить её сорваться или напомнить, кто в этом доме считает себя главной.

Киёми даже не остановилась.

— Ещё раз назовёшь меня доченькой с этой рожей — я тебе руку сломаю, — бросила она, направляясь к входной двери.

Улыбка Элиары не исчезла. Напротив, уголки её губ медленно поползли выше, обнажая зубы.

— Какая же ты грубая, — прошептала она. — Я ведь всего лишь хочу, чтобы ты была со мной поласковее.

Киёми взялась за дверную ручку.

— А я хочу, чтобы ты наконец замолчала.

— Ты опять уходишь? — голос матери вдруг стал тоньше. — Даже не спросишь, как я себя чувствую? Даже не поинтересуешься, как прошла моя ночь?

Киёми закатила глаза. Она слишком хорошо знала эти интонации: сначала притворная нежность, затем обида, а после — попытка заставить всех вокруг чувствовать себя виноватыми.

— Надеюсь, отвратительно.

На кухне повисла тишина. Элиара опустила тряпку и медленно выпрямилась. Её длинные пальцы сжались, побелев на суставах.

— Однажды ты пожалеешь о том, как со мной обращаешься, — сказала она почти беззвучно.

Киёми наконец обернулась. В её взгляде не было ни страха, ни злости — лишь холодное безразличие, словно мать была чужим человеком, случайно оказавшимся в её доме.

— Возможно. Но сегодня явно не тот день.

Из кухни поспешно вышла бабушка Киёми. В отличие от Элиары, в её движениях ещё сохранялась мягкость, а лицо, несмотря на глубокие морщины, казалось добрым. Длинные рыжие волосы спадали ей на плечи, но у корней давно проступил седоватый оттенок, из-за чего причёска выглядела неопрятно. Она выглядела немного уставшей, однако старалась улыбаться так, словно в этом доме всё было в порядке.

— Киёми, подожди, милая. Возьми с собой обед, — сказала она, протягивая несколько пластиковых контейнеров. — Вас там, небось, опять толком не кормят. А если постоянно питаться магазинной едой, однажды желудок тебе спасибо не скажет.

Киёми посмотрела на контейнеры, затем на бабушку. На её лице мелькнуло что-то похожее на усталую благодарность.

— Хорошо, поем. Спасибо.

Она приоткрыла входную дверь, впуская в дом сырой утренний воздух.

— И ещё, внученька, — поспешно добавила бабушка. — Зайди сегодня в магазин, пожалуйста. Купи мне краску для волос. Ты ведь обещала.

— А Вейра не может купить?

— Твоя сестра скоро будет рожать, ей вовсе не до моей краски.

— Хорошо, куплю. Сегодня обязательно.

Ответ прозвучал спокойно, почти безжизненно. Киёми вышла на крыльцо, не дожидаясь новых просьб.

Киёми повернулась направо и посмотрела на двух огромных собак соседки Шуханы. Она даже не знала их породы, да и никогда не интересовалась. Эти шумные твари давно действовали ей на нервы: их лай постоянно мешал спать, и порой Киёми всерьёз задумывалась, как было бы хорошо, если бы их попросту усыпили.

Улица Морвей встретила её серым небом и холодным ветром. Когда-то здесь жили десятки семей, но теперь большинство домов пустовало. Некоторые стояли с заколоченными окнами, другие медленно осыпались, выставляя наружу почерневшие балки. На фасадах ещё висели выцветшие таблички, а за грязными стёклами угадывались силуэты старой мебели, которую никто не захотел забрать. Люди уезжали из Лиорвея, не оглядываясь, будто боялись задержаться здесь хотя бы на лишний день.

Дорога давно лишилась ровного покрытия. В глубоких трещинах застревали окурки, обрывки упаковок и мокрые листья. По обочинам громоздились мусорные мешки, разорванные бродячими животными. Деревья разрослись настолько, что их кривые ветви нависали над улицей, цепляясь за провода и скребя по крышам заброшенных домов. Несколько обломанных сучьев валялись прямо на асфальте. Никто не спешил их убирать.

Киёми шла, засунув руки в карманы. Она давно перестала замечать запустение вокруг. Морвей казался ей таким же мёртвым, как и всё, что связывало её с этим местом.

Через несколько кварталов показалась старая детская площадка. Ржавая ограда перекосилась, песочница заросла сорняками, а качели висели на цепях разной длины. Одна скамейка

лишилась спинки, другая провалилась в землю. На облупившейся горке темнели следы ржавчины, похожие на засохшие потёки.

Среди этого хлама стояла лишь одна целая скамейка. Её Киёми соорудила сама из старых досок и металлических опор. По вечерам она приходила сюда покурить, подальше от дома и людей, которые раздражали её одним своим присутствием.

Подойдя к мусорному баку, Киёми открыла контейнеры и без колебаний выбросила содержимое. Еда давно остыла, а есть её она всё равно не собиралась.

— Вообще-то нехорошо выбрасывать еду.

Голос прозвучал неожиданно близко.

Киёми повернула голову. На её скамейке сидел незнакомый мальчик в школьной форме. Судя по высокому росту и вытянувшимся чертам лица, он учился в старших классах. Тёмные волосы беспорядочно падали на лоб, а слишком большие глаза придавали его лицу странное, почти болезненное выражение. Белая рубашка выглядела новой, но воротник был застёгнут криво, а галстук болтался на груди. Мальчик улыбался так открыто, будто они были давними знакомыми.

Киёми окинула его презрительным взглядом.

— А засовывать свой противный нос в чужие дела, значит, хорошо?

Она закрыла пустые контейнеры и направилась к дороге.

— Меня зовут Эйден! — громко объявил мальчик, вскакивая со скамейки. — А тебя как зовут?

Киёми остановилась и медленно посмотрела на него через плечо.

— Ты эту форму на помойке нашёл?

Улыбка Эйдена дрогнула, но он тут же нахмурился.

— Я вообще-то имя спросил. И нет, вещи мне купила мама.

На последнем слове его взгляд внезапно ушёл в сторону. Он замолчал, уставившись на пустую площадку, словно там кто-то стоял. Улыбка исчезла с его лица всего на мгновение, но этого хватило, чтобы Киёми заметила перемену.

— Мне плевать, что ты там спросил, — холодно ответила она. — И запомни: ещё раз сядешь на мою скамейку — я тебе что-нибудь сломаю. И не надейся, что я испугаюсь жалоб твоей мамочке.

— Эй, Киёми! — крикнул Эйден ей вслед.

Она продолжила идти, даже не обернувшись.

— Я ведь помочь тебе хочу! Закричал ей вслед Эйден

Когда Киёми подошла к колледжу, она невольно усмехнулась. Официально заведение называлось «Силой», но про себя она давно окрестила его заброшкой. И дело было не только в облупившихся стенах и вечном запахе сырости. Здесь почти никто ничему не учился, преподаватели отбывали часы, а студенты делали вид, что однажды получат образование. Саму Киёми это вполне устраивало. Она и без того не представляла, чего хочет от жизни, но в одном была уверена: юристом она не станет. Мысль о том, чтобы провести годы среди чужих проблем и притворяться, будто ей есть до них дело, вызывала у неё отвращение.

Здание стояло здесь ещё с семидесятых годов. За прошедшие десятилетия его стены выцвели, штукатурка растрескалась, а металлические рамы окон покрылись рыжими пятнами ржавчины. Над входом висела табличка с названием колледжа. Несколько букв потускнели, одна держалась на перекошенном креплении и покачивалась даже при слабом ветре. «Силой», — прочитала Киёми и хмыкнула.

Название казалось ей особенно нелепым. Никакой силы здесь не было — ни в преподавании, ни в людях, ни даже в самом здании, которое, казалось, держалось исключительно на привычке не падать.

Внутри пахло мокрой штукатуркой, пылью и дешёвым чистящим средством. В холле тускло светила единственная лампа, остальные мигали или вовсе не подавали признаков жизни. На стенах висели выцветшие объявления, поверх которых кто-то оставил надписи чёрным маркером. У лестницы темнело пятно плесени, расползавшееся по углу, словно его медленно выдавливали изнутри.

Колледж был всего двухэтажным, но просторные коридоры делали его похожим на старое административное здание, давно утратившее своё назначение. Двери аудиторий скрипели, линолеум местами вздулся, а из некоторых помещений доносились голоса, смешанные с глухим гулом старых ламп. Впрочем, никто особенно не жаловался.

Киёми поднялась на второй этаж. Здесь занимались студенты первого и третьего курсов. Она шла вдоль стены, лениво оглядывая знакомые лица, пока не заметила Шинору.

Та стояла возле окна, за которым серело пасмурное небо. Высокая, чрезмерно худая, с длинными чёрными волосами и заметным носом, Шинора выделялась среди окружающих скорее своей угловатостью, чем привлекательностью. Тонкие пальцы нервно теребили край рукава, а взгляд постоянно скользил по коридору, словно она ждала удобного момента, чтобы поделиться чем-то запретным.

Заметив Киёми, девушка тут же направилась к ней.

Подругами они не были. Киёми вообще с трудом могла назвать кого-либо своим другом. Шинора была полезной знакомой: у неё имелась информация, способная выставить её в невыгодном свете, и пока эта тайна оставалась у Киёми, между ними сохранялось подобие дружбы. По крайней мере, так было удобно обеим.

— Эй, Киёми, привет. Слышала, к нам на первый курс пришла девочка из класса Ханами. Невея, так вроде её зовут.

Киёми бросила на неё недовольный взгляд.

— И что? Ты ради этого с утра пораньше ко мне прицепилась?

— Да ты сначала послушай! — Шинора понизила голос и придвинулась ближе. — Помнишь Ханами? Ту самую убийцу из старшей школы?

— Говори быстрее.

— Почти год назад она убила больше тридцати человек, не считая собственных одноклассников. А потом вписала их трупы в своё произведение. Ты вообще представляешь, насколько больной нужно быть, чтобы такое сделать?

— Представляю, — сухо ответила Киёми. — А теперь объясни, какое отношение к этому имеет Невея.

Шинора на мгновение замолчала, явно недовольная её реакцией.

— Не все одноклассники поехали с Ханами в тот день. Невея была одной из тех, кто остался. И теперь она учится здесь.

— Ну и прекрасно. Медаль ей выдать за то, что не поехала?

— Ты можешь хотя бы раз отнестись к чему-нибудь серьёзно?!

— А ты можешь хотя бы раз не трещать мне над ухом с самого утра? — огрызнулась Киёми. — Мне плевать на твою Ханами, на её одноклассников и на то, кто теперь учится в этом клоповнике. Если тебе так интересно, иди сама и расспроси её.

Шинора раздражённо сжала губы, но вдруг посмотрела куда-то за спину Киёми. Её выражение резко изменилось.

— Да вон же она… тихо произнесла Шинора.

Киёми медленно повернула голову и посмотрела на незнакомку. Девушка стояла у двери аудитории, слегка ссутулившись, словно даже простое ожидание отнимало у неё последние силы. Длинные каштановые волосы падали на плечи, скрывая часть осунувшегося лица. Голубые глаза казались тусклыми от усталости, а под ними залегли глубокие тени. Невея выглядела

так, будто давно разучилась нормально спать и каждое утро встречала с одним лишь желанием поскорее дождаться вечера.

Киёми прищурилась. Сначала она не могла понять, что именно вызвало в ней такую неприязнь. Затем память услужливо вернула ей школьные годы — унизительные смешки за спиной, чужие голоса, издевательства и собственное отражение в зеркале после очередной выходки одноклассниц. Воспоминания вспыхивали одно за другим, и с каждым из них лицо Киёми становилось всё холоднее.

Она узнала Невею.

Или, по крайней мере, решила, что узнала.

Киёми резко оттолкнулась от стены и направилась к девушке. Её каблуки гулко стучали по старому линолеуму. Несколько студентов обернулись, заметив её стремительный шаг, но никто не успел ничего сказать.

Добравшись до Невеи, Киёми схватила её за горло и с силой прижала к стене.

— Мразь! Ты думала, я тебя забыла?!

Крик прокатился по коридору, заставив разговоры оборваться. Невея вздрогнула всем телом. Её руки судорожно вцепились в запястье Киёми, пытаясь ослабить хватку, а глаза широко раскрылись от ужаса.

Она не понимала, что происходит. Перед ней стояла незнакомая девушка, смотревшая на неё с такой ненавистью, словно Невея отняла у неё всю жизнь. Вокруг замерли студенты, но никто не двинулся с места. Кто-то отвернулся, кто-то продолжал наблюдать с нескрываемым любопытством. Остальные будто решили, что происходящее их не касается.

— Чего молчишь, сука?! — Киёми сжала пальцы сильнее. — Язык проглотила?!

Невея попыталась вдохнуть, но из горла вырвался лишь хрип.

— Я… я не знаю вас… — едва слышно произнесла она.

Киёми на мгновение замерла, а затем усмехнулась. В этой усмешке не было ничего весёлого.

— Не знаешь? Серьёзно? Ты меня не помнишь?

— Нет… Пожалуйста…

— Забыла, как издевалась надо мной в школе? — Киёми наклонилась к её лицу. — Ты была младше меня, но это не мешало тебе творить со мной этот ужас. Я до сих пор помню твою мерзкую рожу.

Невея беспомощно покачала головой. В её глазах выступили слёзы.

— Это не я… Вы ошиблись…

Эти слова лишь сильнее разозлили Киёми.

Она отпустила горло Невеи, тут же вцепилась пальцами в её волосы и резко потянула вниз. Девушка вскрикнула, потеряв равновесие. Киёми заставила её опуститься на колени, продолжая держать за голову. Несколько прядей остались у неё между пальцами.

— Не смей мне врать!

— Пожалуйста! — Невея попыталась закрыть голову руками. Её голос сорвался на плач. — Я правда ничего не понимаю! Я вас никогда не трогала! Отпустите меня! Умоляю!

Дыхание сбилось. Она дрожала так сильно, что едва могла удерживать голову, а слёзы стекали по бледным щекам. Невея переводила взгляд с Киёми на окружающих, отчаянно ища хоть одного человека, который решился бы вмешаться.

Но коридор оставался безмолвным.

— Твоё несчастье, что Ханами тогда тебя не убила, — процедила Киёми.

Она резко подняла голову и посмотрела в сторону Шиноры.

— Эй! Ножницы дай уже, дура!

Шинора стояла неподалёку, побледнев от происходящего. Она переводила взгляд с Невеи на Киёми, явно не решаясь приблизиться.

— Зачем они тебе?.. — неуверенно спросила она.

— Я сказала, бегом!

Киёми рявкнула так громко, что Шинора вздрогнула. Не произнеся больше ни слова, она торопливо расстегнула сумку, достала ножницы и протянула их Киёми зажатой рукой.

Та выхватила инструмент.

Невея увидела ножницы и начала вырываться.

— Нет… Нет, пожалуйста! Не надо! — Она попыталась отползти, но Киёми снова схватила её за волосы. — Прошу вас! Я ничего вам не сделала!

— Мне плевать, чего ты там хочешь.

Киёми взяла первую прядь и перерезала её. Каштановые волосы упали на линолеум. Невея вскрикнула и закрыла голову руками, но Киёми оттолкнула их. Ножницы снова защёлкали — резко, беспорядочно, без всякой попытки сделать стрижку аккуратной. Длинные пряди одна за другой падали на пол, ложились на плечи девушки и цеплялись за её одежду. Киёми отрезала волосы неровно, оставляя торчащие клочья и оголяя кожу головы там, где ножницы проходили слишком близко.

Невея плакала, просила остановиться, пыталась прикрыться руками. Её плечи ходили ходуном, голос срывался, а каждое движение лишь сильнее распутывало оставшиеся пряди.

Никто не вмешивался.

Кто-то наблюдал из дверного проёма. Несколько студентов перешёптывались, прикрывая рты ладонями. Один парень достал телефон, но, встретившись взглядом с Киёми, тут же убрал его в карман. Шинора стояла неподвижно, стиснув ремень сумки. Она уже не пыталась ни заговорить, ни отвести глаза.

Наконец Киёми отступила на шаг. От прежних длинных волос Невеи почти ничего не осталось. Неровная короткая стрижка открывала уши и шею, а отдельные пряди торчали в разные стороны. На полу вокруг неё лежали каштановые обрезки, похожие на грязные клочья шерсти.

Киёми посмотрела на результат и удовлетворённо усмехнулась.

— Вот тебе за мои волосы в школе. Помнишь, как вы их мне отрезали? — Она бросила ножницы рядом с Невеей. — Правда, я тогда потеряла гораздо меньше. Но ничего, переживёшь.

Она наклонилась к Невеи и тихо добавила:

— Это только начало.

Невея не ответила. Она сидела на полу, прижимая дрожащие ладони к голове. Несколько раз попыталась что-то сказать, но вместо слов вырывался лишь слабый, прерывистый всхлип.

Потом она подняла глаза.

Перед ней стояли десятки людей. Одни смотрели с любопытством, другие — с неловкостью, третьи уже возвращались к своим разговорам, словно ничего особенного не случилось.Невея смотрела на них и не могла понять, что страшнее: человек, который только что причинил ей боль, или целый коридор людей, спокойно позволивших этому произойти.

Киёми поправила рукав, перешагнула через обрезанные волосы и направилась к аудитории.

Для неё утро продолжалось как обычно.

Когда Киёми возвращалась домой, её внимание снова привлекла детская площадка. Среди ржавых качелей и покосившихся ограждений снова сидел Эйден. На нём по-прежнему была школьная форма. Он устроился на скамейке Киёми, свесив ноги и разглядывая что-то в земле, словно за прошедший день ничего не произошло.

Киёми остановилась. Несколько секунд она молча смотрела на мальчика, а затем наклонилась, подняла с земли небольшой камень и бросила в его сторону. Камень ударился о доски рядом с его ногой.

Эйден поднял голову.

— Сколько раз тебе ещё повторять, что это моя скамейка? — резко спросила Киёми. — Или у тебя с первого раза ничего в голове не задерживается?

— О, Киёми! Ты пришла! — радостно воскликнул он, поднимаясь на ноги. Казалось, её раздражение нисколько его не смущало.

— Когда тебя о чём-то спрашивают, принято отвечать, — отрезала она.

Улыбка Эйдена на мгновение стала шире, но он ничего не сказал.

Киёми скрестила руки на груди.

— И ещё. Откуда ты знаешь моё имя?

Мальчик сделал несколько шагов навстречу. Он разглядывал её с неожиданным вниманием, словно пытался сопоставить её лицо с чем-то, известным только ему.

— Даже до школы доходит, что творится в этом колледже, — ответил он. — А твоё имя я слышу особенно часто.

— И что же обо мне говорят? — Киёми криво усмехнулась. — Какая я ужасная? Какая жестокая? Или ты пришёл сообщить, что меня собираются выставить из этой забегаловки?

— Я ничего такого не говорил.

— Тогда не уходи от ответа. Откуда ты знаешь моё имя?

В голосе Киёми появилась угроза. Она подошла ближе, заставив Эйдена поднять голову.

— Если и в третий раз не ответишь, домой пойдёшь с фингалом. А может, и с переломанной рукой. Посмотрим, насколько быстро твоя мамочка примчится тебя спасать.

Услышав слово: «Мама», Эйден перестал улыбаться. Перемена была настолько резкой, что Киёми даже приподняла бровь. Ещё мгновение назад мальчик выглядел беззаботным, а теперь словно окаменел. Его губы слегка разомкнулись, взгляд потух и опустился куда-то к земле.

— Мама… — тихо повторил он.

Ветер прошёлся по площадке, качнув цепи старых качелей. Эйден не шевельнулся. Он смотрел в пустоту с таким выражением, будто перед ним внезапно возникло что-то, чего Киёми не могла увидеть.

Затем мальчик медленно поднял глаза.

— Я хотел сказать тебе кое-что другое, — произнёс он уже без прежней весёлости. — Не стоит причинять людям боль только потому, что тебе так захотелось. Или потому, что ты решила, будто они заслужили это. Это может привести к ужасным последствия, говорю на своём опыте.

Киёми несколько секунд смотрела на него, а затем рассмеялась.

— О-о-о, так вот в чём дело! — протянула она. — Твоя мама умерла? Или бросила тебя? Поэтому ты так изменился, когда услышал это слово?

Она склонила голову набок, изображая сочувствие.

— Бедный Эйден. Как же мне тебя жаль. Ты даже не представляешь насколько.

Мальчик отступил на шаг. Его лицо стало ещё бледнее, а пальцы сжались в кулаки. Он не заплакал и не попытался оправдаться. Лишь посмотрел на Киёми с такой серьёзностью, что её улыбка на мгновение показалась неуместной даже ей самой.

— Тебе не нужно этого знать, — тихо сказал он. — Я тебя предупредил.

— Предупредил? — Киёми усмехнулась и развела руками. — Ты кто вообще такой, чтобы меня предупреждать? Мальчик в школьной форме, который целыми днями сидит на чужой скамейке?

Эйден промолчал.

— Слушай внимательно, — продолжила она, и голос её стал громче. — Я делаю то, что хочу. Когда хочу и с кем хочу. Мне плевать на твои нравоучения, на твои обиды и на то, что ты там себе напридумывали. И никто…

Она сделала шаг к нему.

— Никто не смеет указывать мне, как жить! Ты понял?

Эйден не ответил. Он лишь развернулся и пошёл прочь, оставив Киёми посреди площадки.

— Эй! Я ещё не закончила! — крикнула она ему вслед.

Мальчик даже не обернулся.

Киёми рассмеялась, глядя на его удаляющуюся фигуру. Её забавляло, что какой-то незнакомец решил читать ей нравоучения, а затем сбежал, не выдержав нескольких грубых слов.

— Киёмиииии!

Голос Ноэля раздался с дороги.

Она повернулась и увидела, как брат бежит к ней со всех ног. На нём был спортивный костюм, на голове сидела кепка, а за спиной подпрыгивал небольшой рюкзак. Он едва не споткнулся о торчащий из асфальта камень, но удержался и продолжил бежать, словно боялся, что сестра передумает и уйдёт без него.

Добежав до Киёми, Ноэль остановился, согнулся и несколько раз шумно вдохнул. Затем выпрямился и торжественно протянул ей деньги.

— Вот! Две тысячи элларов, как договаривались. А теперь пошли!

Киёми посмотрела на купюры, потом на брата.

— Ты серьёзно притащился сюда ради этого?

— Конечно! — Ноэль улыбнулся во весь рот. — Я же знал, что ты согласишься.

— Не обольщайся. Я ещё могу передумать.

— Но ты обещала!

— И что? Думаешь, обещания мешают мне делать то, что хочется?

Ноэль нахмурился, прижимая деньги к её руке, словно боялся, что она откажется их брать.

Киёми уже собиралась послать его обратно домой. Ей совершенно не хотелось проводить время среди развалин, слушать бесконечные вопросы брата и пачкать обувь в грязи. Но почему-то мысль о заброшенных домах вдруг показалась ей не такой уж отвратительной. Возможно, ей просто хотелось ненадолго сбежать от дома. Или любопытство, которое она сама в себе не признавала, оказалось сильнее раздражения.

Киёми забрала деньги, сложила их и убрала в сумку.

— Ладно. Идём, раз уж я обещала.

Ноэль замер на секунду, словно не поверил собственным ушам.

— Правда?!

— Нет, шучу. Конечно, правда, идиот.

Брат подпрыгнул от восторга и вскинул руки над головой.

— ДА-А-А-А-А!

Глава 2

Киёми и Ноэлю пришлось идти к заброшенным домам почти час. Они находились далеко за пределами Лиорвея, там, где привычные улицы постепенно сменялись пустырями, а редкие жилые постройки исчезали за зарослями высокой травы. Здесь не было ни прохожих, ни машин, ни даже привычного шума города. Лишь ветер шуршал сухими стеблями, да под ногами время от времени хрустели сломанные ветки.

Наконец впереди показался дом.

Он стоял посреди заросшего поля, окружённый спутанными кустарниками и высокими сорняками. Неподалёку, почти вплотную к нему, возвышалось второе здание. Казалось, эти два дома когда-то составляли часть небольшого поселения, но всё вокруг давно исчезло, оставив после себя лишь пустую землю и следы забытой жизни.

Первый дом выглядел особенно странно.

Три этажа, стены из почти чёрного кирпича, высокие окна, за которыми темнели пустые комнаты. Некоторые стёкла сохранились, покрытые толстым слоем пыли, другие отсутствовали вовсе. Пустые оконные рамы напоминали тёмные провалы, обращённые наружу. На фасаде виднелись потёки, трещины и пятна сырости, а у основания стен пробивалась жёсткая трава.

От старого деревянного забора остались лишь несколько перекошенных секций. Дом выглядел старым, забытым и совершенно безжизненным. И всё же в его запустении ощущалось что-то неестественно аккуратное, будто кто-то следил за ним.

С правой стороны стоял второй дом — краснокирпичный, низший и гораздо сильнее пострадавший от времени. Часть стены обвалилась, обнажив внутренние перегородки и потемневшие балки. Крыша просела, а на её краю зацепились сухие ветви. Некоторые окна были разбиты вместе с кусками кладки; другие перекосились, словно рамы вот-вот выпадут из стен. Сквозь широкие проломы можно было разглядеть остатки комнат, открытых дождю и ветру.

Этот дом не просто забросили. Он словно медленно рассыпался, годами отдавая земле кирпич за кирпичом. Его пустые окна были обращены к соседнему зданию, и от этого возникало неприятное впечатление, будто разрушенная постройка продолжала наблюдать за уцелевшей.

Киёми остановилась.

Она долго всматривалась в чёрный фасад, пытаясь понять, что именно вызвало у неё внезапную тяжесть внутри. Это было не обычное беспокойство и не страх перед неизвестностью. Скорее, ощущение, будто она подошла слишком близко к чему-то, чему следовало оставаться далеко от человеческих глаз.

Ей не нравилось это чувство. Ещё сильнее раздражало то, что она не могла от него избавиться.

— Ну что? — Ноэль едва сдерживал восторг. Он переминался с ноги на ногу, разглядывая дом так, словно перед ним открылся вход в другой мир. — Я же говорил, что тебе понравится! Только посмотри на него! Здесь столько всего можно исследовать!

Ему было всего одиннадцать, но ни мрачные стены, ни пустые окна не вызывали у него заметного страха. Напротив, он словно ожил после долгой дороги. Загадки, старые постройки и всё, что не поддавалось простому объяснению, притягивали его сильнее любых развлечений.

— Я разве сказала, что место меня заинтересовало, — холодно уточнила Киёми, не отрывая взгляда от дома. — Не надо делать вид, будто я уже в восторге.

— Но ты ведь смотришь на него уже целую вечность!

— Ещё одно замечание, и будешь изучать его в одиночестве.

Ноэль тут же прижал губы друг к другу, хотя улыбка всё равно осталась на его лице.

Киёми ещё раз оглядела участок. За домом трава доходила почти до окон первого этажа. Между зарослями виднелись остатки дорожки, ведущей к крыльцу. Каменные плиты просели в землю, а в щелях между ними пробился мох. На ступенях лежали мокрые листья, почерневшие по краям, хотя вокруг не было ни одного дерева, которое могло бы их сбросить.

Она медленно поднялась на крыльцо.

— Так чего стоим? — спросила Киёми. — Ты ведь сюда меня тащил. Идём.

Ноэль оказался у двери раньше неё.

Дверь сохранилась почти целиком: тяжёлая, деревянная, с облупившимся тёмным покрытием. Замка не было. Дверь лишь немного перекосилась в проёме, оставив узкую щель.

Ноэль осторожно потянул за ручку. Доски протяжно заскрипели.

Киёми первой переступила порог. Внутри пахло мокрой древесиной, пылью и чем-то затхлым, напоминавшим закрытый подвал.

Они оказались в просторном помещении, которое, вероятно, когда-то служило гостиной. На стенах ещё держались остатки обоев: выцветшие полосы, вырванные клочья, местами вздувшиеся от сырости. Под ними проступала тёмная штукатурка. В углах расползлись пятна плесени, а у потолка свисали обрывки старого покрытия.

Мебель стояла повсюду.

У стены теснился шкаф с перекошенными дверцами. Рядом лежал на боку комод, возле которого валялась оторванная ножка стула. В центре комнаты находился длинный стол, придвинутый к стене под таким углом, будто его пытались протащить в другое место, но бросили на полпути. Несколько стульев стояли лицом к пустому углу. Ещё один был развёрнут спинкой к окну.

Всё это выглядело не как случайный беспорядок. Предметы словно много раз передвигали, меняли местами, а затем оставляли там, где закончились силы или пропало желание продолжать.

Свет едва пробивался сквозь грязные окна. Пыльные лучи ложились на пол тонкими полосами, выхватывая из полумрака обломки штукатурки, сухие листья и глубокие следы на старых досках.

С правой стороны поднималась железная лестница. Она выглядела удивительно целой: металлические ступени покрывал рыжий налёт ржавчины, но конструкция ещё держалась. Перила местами потемнели, а возле креплений металл был испещрён мелкими трещинами.

Киёми обошла гостиную, заглядывая в соседние комнаты. В одной обнаружились пустые полки и разбитое зеркало, от которого уцелела лишь узкая полоса стекла. В другой стоял небольшой стол, заваленный пожелтевшими листами бумаги. Чернила на них давно расплылись, превратив записи в нечитаемые пятна.

Чуть дальше она заметила ещё один лестничный проём.

Он уходил вверх, к третьему этажу, а затем вниз, в подвал. Однако ступеней не было. Только голые стены, тёмные пролёты и выступы, на которых когда-то крепилась лестничная конструкция. Внизу темнел прямоугольник прохода, за которым не удавалось разглядеть ничего.

Киёми остановилась у края. Её взгляд скользнул по стенам, задержался на пустых креплениях и опустился в подвал. Оттуда тянуло холодом, заметно более сильным, чем в остальных комнатах.

— Киёми-и-и! — позвал Ноэль с другого конца комнаты. — Давай на второй этаж! Я хочу посмотреть, что там осталось!

— Только не кричи, — поморщилась она. — Здесь и без тебя всё звучит так, будто дом сейчас развалится.

— Ладно, ладно. — Он понизил голос, но почти сразу указал на пол. — Слушай, а ты заметила царапины?

Киёми посмотрела туда, куда он показывал.

На деревянных досках тянулись глубокие борозды. Некоторые пересекались, другие обрывались у стен. В отдельных местах дерево было содрано настолько сильно, что под потемневшей поверхностью проступал более светлый слой. Следы уходили под шкаф, продолжались возле стола и терялись у дверного проёма.

Ноэль присел на корточки и провёл пальцем над одной из борозд, не касаясь её.

— Видишь? Они очень глубокие. И вон там тоже. Похоже, мебель передвигали по полу много раз. Причём не просто отодвигали, чтобы убрать комнату. Смотри, следы идут в разные стороны, а некоторые заканчиваются прямо посреди комнаты.

Он переместился к соседней царапине, внимательно сравнивая её с остальными.

Киёми устало посмотрела на него.

— Может, прежним хозяевам нравилось переставлять мебель. Не все проводят жизнь, сидя на полу и разглядывая царапины.

— Я серьёзно!

— А я нет. Привыкай.

Ноэль поднялся, отряхнул колени и направился к железной лестнице. Ноэль только рассмеялся и поставил ногу на первую ступень.

— Пойдём. На втором этаже наверняка ещё что-нибудь есть.

— Если провалишься, вытаскивать тебя я не собираюсь.

— Знаю!

— Судя по твоей улыбке, совершенно не знаешь.

Киёми последовала за ним.

Металлическая лестница отозвалась глухим скрипом. Под ногами дрожал каждый шаг, а звук уходил вверх по лестничному пролёту и возвращался едва различимым эхом. Ноэль поднимался первым, держась за перила обеими руками. Время от времени он останавливался, чтобы заглянуть через ограждение в темноту первого этажа.

Киёми двигалась следом, стараясь не наступать на участки, где металл был сильнее повреждён ржавчиной. В отличие от нижнего этажа, второй оказался заметно светлее. Здесь окна сохранились лучше, и серый дневной свет свободно проникал в коридор. От этого помещение не казалось уютнее — напротив, освещённые участки выглядели ещё более безжизненными. Свет открывал каждую трещину на стенах, каждое пятно сырости и каждый слой пыли, накопившийся на полу.

При этом этаж был почти пуст.

У стены стояли два стула, один из которых лишился спинки. Чуть дальше находились ещё несколько предметов мебели, но они не образовывали привычной обстановки. Пять кроватей были расставлены вдоль стен. На некоторых сохранились матрасы, покрытые серой тканью; на других лежали тонкие, выцветшие одеяла.

Киёми подошла к ближайшей кровати. Покрывало было расправлено. Подушка лежала ровно, почти по центру, а одеяло аккуратно подоткнули по краям. На соседней кровати всё выглядело точно так же.

Она нахмурилась. Внизу она заметила ещё четыре кровати. Все были заправлены, и теперь, увидев эти пять, Киёми насчитала уже девять.Для заброшенного дома, в котором, судя по всему, давно никто не жил, это было слишком странно. Пыль лежала повсюду, обои отваливались от стен, мебель покрылась следами времени, но постели выглядели так, словно кто-то до сих пор следил за порядком.

Киёми провела взглядом по комнате. Ни разбросанной одежды, ни личных вещей, ни следов обычной жизни. Только пустые кровати, заправленные с почти неприятной тщательностью.

Она попыталась убедить себя, что здесь могли останавливаться бездомные. Но девять аккуратно заправленных постелей? И ни единого человека, ни одной сумки, ни даже грязной посуды?

Объяснение казалось слишком простым, чтобы в него поверить.

— Киёми, смотри! — Ноэль подошёл к лестничному проёму, который соединял этажи. Он заглянул вниз, придерживаясь за стену. — Отсюда видно почти весь первый этаж. Жаль, что лестницы нет. Интересно, почему её убрали?

— Может, развалилась.

— Тогда почему не убрали металлическую лестницу у входа? Она ведь тоже старая.

— Потому что кто-то решил оставить её, а другую убрать. Неужели ты собираешься задавать вопросы каждому кирпичу?

— Если кирпичи интересные, то почему бы и нет?

Киёми едва заметно закатила глаза.

— Посмотри вниз, если так хочется. Только не свались.

Слова сорвались с её губ прежде, чем она успела подумать. На мгновение Киёми даже удивилась собственному тону: в нём прозвучало что-то похожее на заботу.

Она тут же отвернулась, словно ничего не произошло.

— И не заставляй меня тащить тебя домой на руках, — добавила она холоднее. — Я не собираюсь портить себе день.

— Хорошо! — весело отозвался Ноэль, ничуть не заметив перемены. — Я буду осторожен.

Он снова наклонился над проёмом, пытаясь разглядеть нижний этаж.

Киёми тем временем направилась в противоположную сторону этажа.

Ноэль подошёл к широкому лестничному проёму и осторожно перегнулся через край. Внизу, на дне подвала, громоздилась куча камней разного размера. Одни лежали ровными глыбами, другие были расколоты на острые обломки. Между ними темнели узкие щели, уходившие глубже, туда, куда уже не доставал слабый свет из окон. Мальчик пытался разглядеть, что скрывается под камнями, и даже не заметил, как за его спиной раздались шаги.

Он решил, что это Киёми.

— Ты только посмотри, здесь же можно…

Ноэль резко обернулся.

Улыбка медленно исчезла с его лица. Позади стоял незнакомый мужчина.

Он был худым и высоким, однако в его неподвижной фигуре не было ничего человечески привычного. Чёрная одежда висела на нём мешковатыми складками: широкие брюки волочились почти по полу, а на кофте зияли прорехи, сквозь которые виднелась бледная, испещрённая тёмными пятнами кожа. Ткань казалась старой, пропитанной сыростью и въевшейся грязью.

Голову мужчины скрывал белый мешок. Когда-то он, вероятно, был светлым, но теперь его поверхность покрывали бурые разводы и засохшие кровавые пятна. Грубая ткань прилипла к лицу, повторяя неясные очертания лба, носа и подбородка. В некоторых местах она потемнела почти до чёрного.

Ни глаз. Ни рта. Ни единой черты, по которой можно было бы понять, куда он смотрит. На шее висела толстая верёвка. Она уходила под воротник, обвивалась вокруг шеи и свисала почти до пупка. Её конец выглядел оборванным: грубые волокна торчали в разные стороны, словно верёвку не развязали, а разорвали с такой силой, что она не выдержала. Пальцы были длинными, костлявыми, с потрескавшейся кожей. На кончиках не осталось ногтей, только тёмные, неровные участки, окружённые засохшей кровью. По кистям и предплечьям тянулись глубокие порезы.

Он не двигался. Не дышал заметно. Не издавал ни звука.

Ноэль попятился. Пятка зацепилась за неровность пола, и он едва удержал равновесие. Его пальцы задрожали, дыхание сбилось. Он попытался крикнуть, но из горла вырвался лишь слабый, жалкий звук.

Затем страх прорвался наружу.

— КИЁМИ!!!

Крик пронёсся по этажу и ударился о стены.

Мужчина не отреагировал. Даже голова под мешком не повернулась в сторону звука.

Он лишь поднял руку.

Движение было настолько внезапным, что Ноэль не успел отступить. Холодные пальцы сомкнулись вокруг его горла. Мальчик судорожно схватился за чужое запястье, пытаясь разжать хватку, но мужчина даже не пошатнулся.

Ноэль захрипел. Его ноги оторвались от пола.

Он беспомощно забился в воздухе, царапая окровавленными пальцами чужую руку. Лицо быстро налилось краснотой, глаза расширились, а изо рта вырвался короткий, прерывистый хрип. Он пытался вдохнуть, но каждый вдох обрывался прежде, чем успевал наполнить лёгкие.

— НОЭЛЬ!

Киёми появилась в коридоре почти бегом. Она увидела брата, беспомощно висящего в руке незнакомца, и замерла.

Киёми не могла пошевелиться.

Она привыкла к чужим слезам, к мольбам, к испуганным лицам. Её раздражали слабость и беспомощность, она не испытывала жалости к тем, кто оказывался перед ней на коленях. Но сейчас всё было иначе. Перед ней находился Ноэль — её младший брат, который ещё совсем недавно улыбался ей, не подозревая, чем закончится их прогулка.

Мужчина медленно повернул голову. Мешок качнулся, и одно из кровавых пятен оказалось прямо напротив Киёми.

Она не видела его глаз, но ощущала на себе чужое внимание. Казалось, ткань скрывала не лицо, а нечто, чему нельзя было позволить показаться на свет.

Мужчина приподнял Ноэля ещё выше.

— Пожалуйста… — выдохнула Киёми.

Она сделала шаг вперёд, но тут же остановилась. Ей хотелось броситься к брату, ударить незнакомца, вцепиться в его руки, сделать хоть что-нибудь. Однако тело словно перестало ей подчиняться.

— Пожалуйста, отпусти его, — повторила она, уже почти срываясь на крик. — Умоляю. Он же ребёнок…

Мужчина молчал. Ни малейшего движения, ни жеста, ни признака того, что он вообще услышал её слова. Затем он повернулся к Ноэлю. Его пальцы сжались сильнее. Мальчик дёрнулся в последний раз. Из его горла вырвался едва различимый хрип, после чего тело обмякло.

— Нет… — прошептала Киёми.

Мужчина разжал руку. Он не просто отпустил Ноэля. Резким движением швырнул его в лестничный проём.

— НОЭЛЬ!

Киёми рванулась вперёд, но не успела. Маленькое тело исчезло за краем проёма. Через мгновение снизу донёсся глухой удар, затем ещё один — слабее. Что-то скользнуло по камням и затихло.

Киёми бросилась к отверстию.Когда она обернулась, мужчины уже не было. Ни шагов, ни скрипа дверей, ни звука удаляющихся шагов. Он словно растворился в доме, оставив после себя только запах сырости и неподвижный воздух.

Киёми не стала искать его. Она опустилась на колени у края проёма и посмотрела вниз. Ноэль лежал среди камней, неестественно неподвижный. Его голова оказалась рядом с острым

обломком, а под ней медленно растекалась тёмная лужа. Кровь пропитывала пыль и забивалась между камнями, окрашивая их в густой, почти чёрный цвет.

— Ноэль?.. — позвала Киёми.

Он не ответил.

Она ухватилась за край проёма и наклонилась ниже.

— Ноэль, вставай. Слышишь меня?

Тишина.

— Хватит, — выдавила она. — Это уже не смешно.

Из темноты появилась женщина.

Сначала Киёми увидела её спину — огромную, закрывавшую часть пола. Затем женщина медленно наклонилась над Ноэлем, и тяжёлое чёрное платье растеклось вокруг неё широкими складками.

Она была невероятно высокой и настолько грузной, что казалось, пол должен прогибаться под каждым её движением. Её тело обладало тяжёлой, почти пугающей массивностью: широкие плечи, толстая шея, округлый живот и мощные бёдра. Длинное платье из плотной чёрной ткани скрывало фигуру до самых ступней, но не могло сделать её очертания менее громоздкими. Подол волочился по грязному полу, собирая пыль и тёмные следы.

Руки женщины были длинными относительно тела, мясистыми, с толстыми пальцами и широкими ладонями. Когда она подхватила Ноэля, её пальцы почти полностью скрыли его плечо. Двигалась она медленно, с неприятной тяжестью, словно каждое движение требовало от неё огромных усилий. При этом в её действиях не было ни растерянности, ни суеты.

Она подняла мальчика так легко, будто тот ничего не весил. Киёми перестала дышать.

Женщина прижала Ноэля к себе, осторожно поддерживая его голову. Кровь испачкала чёрную ткань, но она, казалось, не замечала этого. Её пальцы медленно поправили воротник его одежды, почти нежно, как это делают матери, укладывая ребёнка спать.

Его голова безвольно склонилась набок, а одна рука свисала вдоль тела. Женщина прижимала его к груди, словно боялась, что кто-то снова попытается отнять у неё ребёнка.

Киёми не понимала, что происходит.Она хотела закричать, потребовать, чтобы незнакомка положила брата на землю, но губы не слушались. Ей казалось, что любое слово привлечёт внимание женщины и тогда случится нечто ещё более ужасное.

Голова женщины была опущена. Длинные, спутанные волосы закрывали лицо, свисая тяжёлыми прядями почти до груди. Они казались грязными и влажными, словно женщина долгое время находилась под дождём. Между прядями проглядывала кожа — тусклая, серовато-жёлтая, с пятнами, напоминавшими старые синяки.

Затем она подняла голову.

Киёми отшатнулась от проёма.

Лицо женщины выглядело так, будто годы не просто оставили на нём след, а постепенно разрушили его. Кожа была грубой, тусклой, покрытой глубокими складками. На лбу пролегли тяжёлые морщины, пересекавшие друг друга. Щёки обвисли, подчёркивая массивную нижнюю часть лица. Под глазами темнели глубокие впадины, окружённые болезненно бледной кожей.

Глаза на фоне тяжёлого лица, были глубоко посаженными и почти бесцветными. Женщина смотрела прямо на Киёми, не мигая. Ни гнева, ни удивления, ни даже обычного любопытства в её взгляде не было. Только безмерная, застывшая усталость и какая-то болезненная уверенность в собственном праве на всё, что находилось перед ней.

Внезапно лицо женщины исказилось.

Её губы раздвинулись, обнажив кривые, пожелтевшие зубы. Грудь поднялась, шея напряглась, и из её горла вырвался крик — настолько громкий и резкий, что Киёми инстинктивно прижала ладони к ушам.

— ЭТО МОЙ СЫН!

Голос ударился о стены подвала и прокатился по пустым этажам.

Женщина крепче прижала Ноэля к себе.

— Это мой сын! — повторила она, уже громче. — МОЙ СЫН! МОЙ! МОЙ! МОЙ!

С каждым словом её голос становился всё выше, надрывнее, пока отдельные фразы не превратились в отчаянный вой. Она раскачивалась, обнимая неподвижное тело, и продолжала кричать, словно пыталась убедить не Киёми, а весь мир, что никто не имеет права отнять у неё ребёнка.

— МОЙ СЫН!

Киёми попятилась. Её разум отчаянно искал объяснение увиденному, но мысли рассыпались, не успев сложиться в слова. Перед ней находился её младший брат, истекающий кровью. Рядом стояла незнакомая женщина, которая называла его своим сыном. А мужчина в окровавленном мешке исчез так бесследно, словно никогда не существовал.

Всё это было невозможно. Но кровь на камнях была настоящей. И Ноэль не двигался.

Киёми бросилась к лестнице. Она не спустилась в подвал, не попыталась отнять брата у женщины. Страх оказался сильнее любых мыслей. Она бежала вниз, едва не падая на поворотах, цепляясь за перила и срывая дыхание. За спиной продолжал звучать женский голос.

— МОЙ СЫН!

Киёми вылетела из дома и понеслась через заросшее поле.

Ветки хлестали по рукам, высокая трава цеплялась за одежду. Она несколько раз споткнулась, едва удерживаясь на ногах, но не остановилась. Даже когда за спиной остались оба дома, она продолжала бежать, не позволяя себе обернуться.

Она понимала, что оставляет Ноэля там, внизу, среди камней и темноты.

Понимала, что должна была помочь ему.

Но всякий раз, когда перед глазами возникало лицо женщины, Киёми чувствовала, как страх снова сдавливает горло. Ей казалось, что стоит замедлить шаг — и она снова услышит этот голос, увидит чёрное платье и неподвижные глаза, которые будут смотреть прямо на неё.

К тому времени, когда она добралась до окраины Лиорвея, день почти закончился. Небо затянулось свинцовыми тучами, а между домами сгущались сумерки. Уличные фонари ещё не загорелись. В окнах редких домов мерцал тусклый свет, но город казался пустым и равнодушным.

Киёми бежала до самой детской площадки.

Только там она наконец остановилась, согнувшись и пытаясь восстановить дыхание. Сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался болью в груди. Ладони дрожали, колени подкашивались. Она несколько раз провела руками по лицу, словно надеялась стереть воспоминания о подвале.

И тогда заметила Эйдена. Он сидел на её скамейке. Но на этот раз на нём не было школьной формы. Белая футболка и светлые шорты резко выделялись на фоне ржавых конструкций и потемневших досок. Эйден не улыбался. Он просто смотрел на Киёми.

Киёми отвернулась и продолжила путь домой.

В доме пахло горячей едой и жареным луком. Этот привычный запах обычно раздражал Киёми, но сейчас он казался почти нереальным. После затхлого воздуха заброшенного здания и сырого холода подвала обычная домашняя обстановка выглядела декорацией к чужой жизни.

На кухне хлопотала бабушка. Она готовила ужин, время от времени помешивая что-то в кастрюле. Услышав шаги, женщина обернулась и сразу заметила, в каком состоянии вернулась внучка.

— Киёми, девочка моя, да что с тобой? — встревоженно спросила она. — Ты вся запыхалась. Бежала, что ли?

Бабушка подошла ближе и поправила воротник её одежды, словно Киёми по-прежнему была маленькой девочкой, которую нужно было привести в порядок после прогулки.

Киёми вздрогнула от прикосновения, но быстро взяла себя в руки.

— Немного пробежалась, — ответила она, стараясь говорить ровно.

— Надо же. Не думала, что доживу до дня, когда ты сама решишь заняться спортом.

Бабушка тихонько усмехнулась, затем словно вспомнила о чём-то важном.

— А краску ты купила?

Киёми опустила глаза.

— Прости, бабуль. Совсем забыла.

— Ну, ничего. Видимо, придётся мне поседеть окончательно, прежде чем ты соизволишь меня покрасить. — Бабушка покачала головой, но в её голосе не было настоящего упрёка. — Ладно, иди мой руки. Скоро будем ужинать.

— Не хочу. Я не голодна.

Она направилась к выходу из кухни.

— Киёми, ты хотя бы…

— Потом, бабуль.

Она поднялась в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Только теперь, оставшись одна, Киёми позволила себе закрыть глаза. Перед ней сразу возник Ноэль. Его испуганное лицо, судорожные движения, пальцы, цеплявшиеся за руку мужчины. Затем — падение, удар о камни и тёмная кровь, растекавшаяся по полу.

Киёми резко открыла глаза.

— Нет, — прошептала она. — Нет. Нет…

Она попыталась убедить себя, что всё ещё можно исправить. Нужно вернуться, позвать на помощь, найти полицию, привести кого-нибудь к дому. Но стоило представить, что ей придётся снова войти в тот подвал, как ноги становились ватными.

Она не могла. И от этого понимания становилось только хуже. Киёми подошла к кровати, открыла ящик тумбочки и достала упаковку снотворного. Она и без того плохо засыпала, а сейчас мысли метались в голове, не позволяя сосредоточиться ни на чём другом.

Она приняла лекарство, легла и натянула одеяло до подбородка. Сначала она ещё слышала звуки дома: скрип труб, глухие шаги внизу, приглушённый звон посуды. Постепенно они стали отдаляться. Веки налились тяжестью, мысли расплылись, и вскоре Киёми провалилась в беспокойный сон.

Она не знала, сколько прошло времени, когда снизу донеслись крики.

Киёми резко открыла глаза. Комната утонула в темноте. За окном не было видно ничего, кроме отражения её собственной фигуры в стекле. Она нащупала телефон на тумбочке и посмотрела на экран.

Два часа ночи.

Крики повторились.

На этот раз она различила голос бабушки, а затем — раздражённые слова матери.

Киёми села на кровати, пытаясь понять, что происходит. В голове ещё сохранялась тяжесть после сна, но тревога быстро вытеснила остатки сонливости. Она поднялась, вышла в коридор и направилась к лестнице.

Внизу собралась вся семья.

Бабушка стояла возле стола, прижимая руки к груди. Её лицо было мокрым от слёз. Рядом находилась сестра Киёми: она придерживала живот одной рукой и старалась дышать медленно, хотя губы её дрожали от волнения.

Мать сидела за столом. Её длинные чёрные волосы спадали на плечи, а пальцы с такой силой скребли по деревянной поверхности, что ногти оставляли тонкие белёсые полосы. На лице застыло выражение ярости, смешанной с отчаянием.

Киёми спустилась на последний этаж и остановилась у дверного проёма.

— Что случилось? — спросила она, стараясь не выдать себя.

Бабушка повернулась к ней. Несколько секунд она смотрела на внучку, словно пыталась найти в её лице ответ, который боялась произнести вслух. Затем подошла и схватила Киёми за руку.

— Мы не можем найти Ноэля, — прошептала она. — Его нигде нет. Мы обзвонили знакомых, обошли улицы… А в полиции говорят, что нужно ждать. Они даже не хотят толком заниматься поисками! Киёми, его слишком долго нет…

Бабушка не выдержала и заплакала. Её пальцы сжали руку внучки так крепко, будто только это удерживало её от падения.

Киёми почувствовала, как внутри всё оборвалось. Значит, Ноэль так и не вернулся.

Она могла рассказать правду. Могла признаться, что видела его последним, что сама привела его к заброшенному дому и сбежала, оставив там. Но тогда пришлось бы объяснять всё остальное. Мужчину с мешком на голове. Женщину в чёрном платье. Кровь на камнях.

Кто поверит в подобное?

— Ты, — внезапно произнесла мать.

Она подняла голову.

Её взгляд был прикован к Киёми.

— Ты знаешь, где он.

Это прозвучало не как вопрос, а как обвинение.

— Что? — Киёми попыталась сохранить спокойствие.

Мать резко отодвинула стул и поднялась. Ножки с противным скрежетом проехались по полу.

— Не смей притворяться! — закричала она. — Ты же знаешь, где он, сука!

Она подошла к Киёми и ударила её ладонью по лицу.

Хлопок раздался на всю кухню. Голова Киёми дёрнулась в сторону. На мгновение перед глазами потемнело, а щёку обожгло болью.

Затем страх сменился яростью.

Киёми схватила мать за волосы и резко потянула вниз. Та вскрикнула, вцепилась в её руки и принялась царапать кожу ногтями.

— Ты совсем с ума сошла?! — прошипела Киёми, сжимая пальцы ещё сильнее.

— Отпусти меня! — завизжала мать. — Ты чудовище! Ты всегда была чудовищем!

— А ты всегда была дрянью!

Сестра бросилась между ними, пытаясь разжать их руки.

— Вы что, совсем с ума сошли?! — закричала она. — Прекратите немедленно! Мне нельзя нервничать! Вы хоть понимаете, что творите?!

Но никто её не слушал.

Мать продолжала царапать руки Киёми, оставляя красные полосы. Киёми не отпускала её волосы, а бабушка, рыдая, пыталась оттащить их друг от друга.

Кухня наполнилась криками, всхлипами и грохотом опрокинутого стула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.